

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ С. Л. РУБИНШТЕЙНА*

Абульханова-Славская К. А.

Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования:

Абульханова-Славская К. А. Оптимистическая трагедия С. Л. Рубинштейна // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 136–149.

S. L. RUBINSTEIN'S OPTIMISTIC TRAGEDY

K. Abulkhanova-Slavskaya

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation:

Abulkhanova-Slavskaya, K. A. (2026). S. L. Rubinstein's Optimistic Tragedy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 136–149.

17 июня 2025 г.

За последние годы произошли актуализация и осмысление творчества, судьбы и философского наследия выдающегося отечественного мыслителя Сергея Леонидовича Рубинштейна¹. Ведущими отечественными философами, а также историками, культурологами и психологами были высказаны суждения, свидетельствующие о непреходящей роли мыслителя XX века в развитии современной отечественной гуманитаристики, побуждающей мысль и в новом тысячелетии. Состоявшийся диалог по-новому высветил и известные биографические события его судьбы, а также представил иные ракурсы сущности его творчества.

Располагая вновь найденными в архиве, до сих пор неизвестными автобиографическими суждениями Сергея Леонидовича Рубинштейна о своей жизни, ее этапах и стратегии, и о своем участии в судьбе своего общества, имея счастье быть свидетельницей взлета его творчества и трех завершающих лет его жизни, я хотела бы взять на себя смелость представить последнее в тех *философски неклассических категориях оптимизма и трагедии*, в которых он сам оценил судьбу России XX века. А также судьбу собственную.

Кроме публикации пятитомного издания философского наследия С. Л. Рубинштейна и конференций, приуроченных к выходу каждого из томов, 2024 год – год 135-тилетнего юбилея Сергея Леонидовича – ознаменовался публикацией его первого философского труда. Это – русский перевод его немецкой докторской диссертации 1914 года, защищенной философом в период обучения в марбургской школе неокантианства. Перевод и публикация приурочены к 110-летию с момента ее защиты, а публикация в Афинах – на родине философии – символична для судьбы ее автора².

Своеобразным ключом к пониманию последней является включенный в публикацию «Марбургский дневник» Сергея Леонидовича Рубинштейна, который написан в самые тяжелые времена его социальной депривации, в конце 1940-х – начале 1950-х годов. В

¹ Философское наследие С. Л. Рубинштейна: в 5 т. Т. 1. С. Л. Рубинштейн. Человек и мир; Т. 2. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: РУДН, 2024, 2025. (Гриф: Институт философии РАН, Российская академия образования, РУДН им. П. Лумумбы).

² Рубинштейн С. Исследование проблемы метода. Ч. 1. Абсолютный рационализм (Гегель). Фрагмент. Инаугурационная диссертация на получение докторской степени философского факультета Марбургского университета / пер. с нем. К. А. Абульхановой-Славской, Л. С. Киржнера; науч. ред. Ю. В. Колесниченко. Афины: Энтос, 2024. 172 с.

* Публикуется в авторской редакции.

© СС ВУ Абульханова-Славская К. А., 2026.

том, какой свободой и оптимизмом дышит каждая строка его текста, представляющая – как живые – годы его философской молодости и самоопределения, проступает стоическая способность его личности преодолевать трагизм настоящего. О многом, о бесконечно многом, включая главное – отношение его к своей Родине – гласит и примыкающее к дневнику его стихотворение «Марбург», планируемое авторами афинского издания (К. А. Абульхановой-Славской и Л. С. Киржнером) к публикации в России в ближайшем будущем.

В философском смысле в диссертации происходит первое научное *самоопределение* С. Л. Рубинштейна, которое заключается в критике дуализма гегелевско-кантовской парадигмы – вершины историко-философской мысли своего времени.

Приведем некоторые выдержки из указанной книги. Итак, С. Рубинштейн пишет: «Однако по зрелому размышлению я решил сосредоточиться на Гегеле – его методе, его диалектике. Тем самым я оставался в целом в стороне от неокантианства, от Марбургской и иже с ней – других школ. У меня были сомнения в том, что Коген это примет, даже если не одобрит. Я понимал, что рискую, но готов был отвечать за это. Впервые в жизни мое одиночество, достигнув своей вершины, обрело силу... Я понял, что должен померяться силами с Гегелем...»¹.

«И тем более – почти нервическими – были мои поиски самостоятельности. Я проваливался в духовные пропасти гегелевской мысли и взлетал на ее крыльях к вершинам его философских абстракций. Они были подобны Альпам, с их глубинами и вершинами... А мой путь от низин к вершинам – был долог, труден и смертельно опасен»².

«Мое одиночество как переживание неудовлетворенной потребности... – опрокинулось, было сметено вдруг пришедшим переживанием *собственной силы*. Естественно, что это была *уверенность в своей философской позиции*. Незаметно для себя я перешел от следования за мыслью Гегеля к открытию альтернативы этой мысли. Я ощутил почву под ногами и впал в состояние самоуверенности. Теперь я осознал, что сам айсберг Гегеля изначально не имеет под собой *почвы*, а я – *стою на ней* (курсив наш. – К. А.-С.)»³. «Но помню, на каком этапе мне пришла в голову мысль, что я могу заодно разоблачить его вместе с Кантом. Я уловил их полное родство... в Трансцендентализме...»⁴.

В самом тексте диссертации прорывается не сдерживаемая молодым философом *этическая оценка абсолютного идеализма*. «Точно также сила зла располагается относительно добра. “Абсолютный идеализм”, – пишет С. Рубинштейн, – приводит к пантеистическому позитивизму (такова природа прусского государства до 1948 года – воплощенный разум того времени: таков Наполеон, топчущий родину копытом своего коня – объективный дух верхом на лошади)»⁵.

Дневник из двадцати шести страниц текста заканчивается следующим резюме автора: «Мне удалось не столь реализовать мои философские позиции, сколь самому убедиться в том, что эти позиции достаточно сильны, чтобы противостоять вековому застою Марбурга, в котором сама мысль *останавливается и сужается* относительно победоносного философского прошлого, питавшегося духом Германии (курсив наш. – К. А.-С.)... И с целью и далее качать свои философские мышцы я вернулся в Россию, где после пересечения границы все мои марбургские дипломы теряли какое бы то ни было значение. Я сам низвергался с вершин достигнутого, чтобы предстать перед новыми испытаниями...»⁶.

¹ Рубинштейн С. Исследование проблемы метода. Ч. 1. Абсолютный рационализм (Гегель). Фрагмент. Инаугурационная диссертация на получение докторской степени философского факультета Марбургского университета / пер. с нем. К. А. Абульхановой-Славской, Л. С. Киржнера; науч. ред. Ю. В. Колесниченко. Афины: Энтос, 2024. С. 154.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 163

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Там же. С. 170.

В Марбурге, кроме философского самоопределения, естественно, происходит и его самоопределение как личности. С. Л. Рубинштейн неоднократно упоминает в дневнике о своём одиночестве. Он пишет, что и в своей большой семье он был одинок, став ответственным за ее судьбу в связи с болезнью отца. И здесь ему остается чуждой неподвижность, застылость в веках Марбурга, его немецкого статичного уклада. Ему также чужда духовная атмосфера неокантианства.

Упомянем, что его главный жизненно-духовный компендиум составляли три его родных брата (Григорий, Николай и Дмитрий), которые по своим научным интересам взаимодополняли друг друга, дискутируя в разных ракурсах проблемы исторической, территориальной, ментально-генетической целостности России. С. Рубинштейн был их лидером и мозговым центром на протяжении всей жизни.

И тем не менее именно в Марбурге судьба посылает ему первого *Собеседника* в лице Г. Когена – одного из патеров неокантианства, ставшего руководителем его диссертации. Г. Коген стал для него Собеседником, потому что именно и только с ним он мог обсудить свои философские идеи, сомнения, трудности при полном взаимопонимании. Сразу отметим, что такого он достиг всего лишь трижды в жизни: еще раз – в Одесский период своего философского становления, и в последний раз – в Московский период его научной и личной депривации.

Чем более ценно достигнутое с Собеседником взаимопонимание, тем труднее человеческое нравственно-этическое дистанцирование от него. Причинами дистанцирования Рубинштейна от Когена послужили, прежде всего: разница в приверженности к иудейству, затем – несовместимость принадлежности к разным странам, нацеленным на войну друг с другом. Принципиальные различия мировоззрений не позволили С. Рубинштейну принять сердечное приглашение Г. Когена стать его преемником. Но нанося своим отказом сердечный удар патеру, он и сам

переживал свою способность разрешить это противоречие столь радикальным образом, о чем с искренним сочувствием говорил – по прошествии сорока пяти лет – на страницах своего дневника.

С Первым своим Собеседником совсем молодой С. Рубинштейн пережил глубокое противоречие между самостоятельностью и духовной близостью, взаимопониманием и безграничной поддержкой старого патера. Он уехал из Марбурга, не разрешив этого противоречия. Вскоре Когена не стало...

Острота этого противоречия сподвигает С. Рубинштейна на стихотворное излияние (хотя он сам отрицал в себе стихотворный дар):

«Предал Германа – единственного друга
Чтоб Россия меня другом назвала», –
пишет он в стихотворении о Марбурге.

В 1914 г. началась война Германии с Россией.

С. Рубинштейн, пересекая границу, тщательно упакованную в подкладку портплекта докторскую диссертацию, которой – в ее немецкоязычной версии – предстояло *сто десять лет пролежать* в разного рода тайниках, чтобы дождаться своего часа на родине.

А ее час сегодня заключается в том, что мы можем документально утверждать, что уже в самом начале XX века российская творческая философская мысль в лице С. Л. Рубинштейна представила свою альтернативу всей мировой историко-философской классике.

Вернувшись на родину, С. Л. Рубинштейн, казалось бы, избавляется от своего одиночества, погружаясь в многочисленные сферы общения и деятельности – в круг родительской и личной семьи, в обстановку военной Одессы, затем – поступательно – в обстановку Одессы революционной, в ужасающую обстановку гражданской войны. Одновременно он входит в сферу университетской профессиональной деятельности¹. Однако абстраги-

¹ Эта пора одесской жизни С. Л. Рубинштейна в литературном жанре воссоздана нами – см.:

руясь от конкретной исторической обстановки, нам важно отметить не только факт возвращения С. Л. Рубинштейна на родину, но также принципиальную приверженность молодого ученого *трагизму* ее судьбы, начавшейся в эти годы (по контрасту со взлетом эпохи Серебряного века). Здесь и вырисовывается трудно постижимое *одиночество* С. Л. Рубинштейна. Он – одновременно с А. Ф. Лосевым – становится (каждый – по-своему) Одинок относительно своего поколения (с небольшой возрастной разницей между сверстниками), включая философскую диаспору конца XIX века – начала XX века.

Эта диаспора вскоре покидает Россию... И на фоне противоположных векторов их личных судеб выступает *особая роль С. Л. Рубинштейна в дальнейшей судьбе отечественной философии*. Она отличается от судеб тех философов, дальнейшая жизнь которых складывалась *вне страны*. «Философский пароход» стал наиболее известной вехой в судьбе российской эмиграции, судить об истинности патриотизма которой могут лишь отплывавшие на нем ...¹.

Сущность гражданского и философского отношения С. Л. Рубинштейна к судьбе своей страны реализовалась в его очень четком философско-практическом *Самоопределении* относительно ее *прошлого, настоящего и будущего*.

Способ этого самоопределения выявлен нами путем исследования и сопоставления многочисленных архивных (дневниковых)

документов, публикаций автора 1920-х годов, биографических данных, свидетельств его родных и современников и высказываний самого Сергея Леонидовича – мне (как его соратнице и супруге), а также при мне.

Проблема *самоопределения* традиционно рассматривается как самоопределение личности *в своей жизни*. О самоопределении личности философа, о её направленности на самопознание в XX веке мы прекрасно знаем из одноименного труда Н. А. Бердяева. Ему удалось от-рефлексировать свое обособление как *неучастие, отход* от множества сообществ своего времени, которые жаждали как раз его участия для реализации своих целей. Одновременно – удивительным образом – не имея собственного четкого философского концепта (или в данном контексте его не эксплицируя), Н. А. Бердяев ясно определил узловые координаты своих философских предпочтений и устремлений. Абрис его философского пространства ценностно нагружен, но в эмиграции лишен *действенности*².

С. Л. Рубинштейн выделяется из плеяды своих современников уникальной *многогранностью своего самоопределения*, его масштабом, социально-философской и ценностной насыщенностью. Оно не только выходит за пределы самопортретирования, рефлексии личной жизни соотносительно с общественным или философским пространствами. Рубинштейн является единственным мыслителем XX века, который сумел *социально-философски воссоздать судьбу России в момент ее катаклизмического излома начала века*. Воссоздать ее так, чтобы, критикуя ее *настоящее* и одновременно включаясь, *участвуя* в нем со своими целями, не потерять ее *прошлое*, которое в тот момент разрушалось. Он вы-

Абульханова К. А., Славская А. Н. Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. М. 2009. См. также: Абульханова-Славская К. А. Биография идей в философской судьбе С. Л. Рубинштейна // Философское наследие С. Л. Рубинштейна: в 5 т. Т. 2. М.: РУДН, 2025.

¹ Отметим, что непрекращающаяся переписка, поездки С. Л. Рубинштейна на Запад на протяжении 1920-х годов, а позднее – возобновившиеся контакты с общественными деятелями, деятелями культуры и науки середины 1940-х, всегда «имели билет без обратной даты», которым он никогда не воспользовался. Своим поступком он доказал, что приверженность отечеству не исключает обеспечения научной представленности России в мире. Тем не менее, это не помешало правительству СССР к концу 1940-х гг. предъявить ему обвинение в космополитизме.

² Среди современников С. Л. Рубинштейна можно было бы в этом контексте назвать Г. Г. Шпета, но, к сожалению, последний, будучи разносторонне ориентированным мыслителем, не эксплицировал своего собственного философского концепта, а относительно своего времени высказал лишь резкую критику революции, и, оставшись в стране, предрек свою трагическую кончину.

ступил со своим *философско-практическим* проектом *будущего*.

Его самоопределение заслуживает монографического воспроизведения, поскольку оно представляет собой уникальный образец вмешательства *философа в качестве комиссара* в реорганизацию духовно-образовательной сферы общественной жизни в обстановке спада гражданской войны и жестко-революционного *способа* строительства новой жизни. Его *расхождение с настоящим заключалось не в абстрактно-философском, а в реально-практическом определении* главной ценности общества будущего – *человека*, ценой жизни которого реализованы революция и гражданская война. Рубинштейн имеет свой *проект – замысел* решения этой проблемы.

Самоопределение мыслителя соединяет трагическое и оптимистическое отношение к созиданию нового общества. А трагический оптимизм его личности и судьбы уникальным способом *соединяет в себе философскую, этическую и практическую* составляющие. Его жизнь служит для нас образцом того, как его личностная модель, вобравшая в себя стусок противоречий действительности, может – в свою очередь – послужить их оптимальному решению¹.

С. Л. Рубинштейн был на ту пору *единственным* философом, который социально-философски, граждански и социокультурно осмыслил роль российской *революции в настоящем* относительно *прошлого и будущего*.

Период жизни С. Л. Рубинштейна 1920-х годов является уникальным по степени спрессованности в нем всех основных ко-

ординат его жизни, которые в дальнейшем разворачиваются *поступательно* как реализация огромного первоначального замысла. В своих дневниковых записях С. Л. Рубинштейн давал периодизацию своей жизни, выделял разные *поры*. Он пишет о молодости как о *поре* воодушевления и поисков, о прекрасной и страшной *поре* ленинградской блокады², а также о последней *поре* – в философском смысле – как о *завершении* своей жизни.

Своему брату Николаю, второму – после Г. Когена – Собеседнику жизни, и Н. Н. Ланге – третьему Собеседнику 1950-х годов – С. Л. Рубинштейн называл двадцатые годы XX столетия *порой возраста Христа*. В этом не было ни грани религиозной приверженности, но прозвучала высочайшая оценка собственной личности – *для самого себя* (тогда как он никогда и нигде себя не позиционировал, будучи до щепетильности сдержанным человеком). Сейчас эта самооценка становится понятной при выявлении *баланса оптимистических и трагических* обстоятельств той поры. В число последних входят:

– обостряющиеся многочисленные национальные, политические и личные противоречия в *повзрослевшей* родительской семье Рубинштейнов;

– С. Л. Рубинштейн, заняв должность приват-доцента Новороссийского университета, подвергается критике старой университетской профессурой по всем мировоззренческим позициям из-за своей популяризации идей К. Маркса, приверженности теории относительности А. Эйнштейна, способности читать лекции не только по философии, но также по математике, физике, экономике, из-за растущей популярности в студенческих аудиториях;

– С. Л. Рубинштейн пишет свою первую монографию о диалектическом опыте познания точных наук для расширения про-

¹ На ум приходит сравнение с судьбой доселе благополучной российской духовной, культурной диаспоры, представители которой, оставшись в России, переживали все ужасы голода, вида творящихся зверств (дневники З. Гиппиус), или активно хлопотали о выезде родительской семьи в Европу и, напротив, удивлялись старомодной вежливости А. Луначарского, дававшего «добро» (Б. Пастернак), или сменяли одного мужа на другого – более практичного (А. Ахматова), или, наконец, не заметили революции ни в одном из своих стихотворений (И. Бунин). Исключение в белой интеллигенции составил А. Блок – или тот, возможно, кого я не знаю.

² Абульханова-Славская К. А. Биография идей в философской судьбе С. Л. Рубинштейна // Философское наследие С. Л. Рубинштейна: в 5 т. Т. 2 / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: РУДН, С. 466–586.

странства, сфер философского познания, включая человека и его действительность. Ее рассыпают в верстке, автор подпадает под надзор по линии антисемитизма, который продолжается на протяжении двух дальнейших десятилетий;

– С. Л. Рубинштейн переживает трагическое противоречие первой любви в своем *белом* браке;

– наконец, нельзя не отнести к трагическим и обыденные обстоятельства жизни в разоренной войной, революцией и гражданской войной Одессе, в которой он становится единственным ответственным за выживание двух семей.

И в этих условиях трагической противоречивости российской и собственной судеб С. Л. Рубинштейн осуществляет свое *самоопределение* – философское, социально-практическое, жизненное. Оно заключалось в осмыслении сущности происходящего в данное время как *трагедии*, определении в нем своего участия с *собственными целями*, в обосновывающей эти цели социально-философской программе, к реализации которой он приступает, заняв *сторону большевиков*.

С. Л. Рубинштейн не только раскрывает то, что марксизм – *впервые* в истории философской мысли – привел к *практическому изменению действительности*, но задается вопросом, сможет ли он содействовать разрешению противоречий, порожденных его *неадекватным применением*. В свои двадцать пять лет он проштудировал Маркса, был знаком с западноевропейским марксизмом и его критиками. Он понимал, что западная социально-философская идея свержения капитализма революцией пролетариата не адекватна состоянию российского общества, не достигшего высшей, критической стадии развития капитализма, что его основу, кроме пролетариата, составляет крестьянство. Большевиками не была проработана ни стратегия революции, ни программа построения социализма.

Он очно и заочно был знаком с лицами разной общественно-политической ориентации, их программами, начавшимися дис-

куссиями и столкновениями, что было неприемлемо для совместного руководства революционными действиями. Он был *против единоначалия* в этом руководстве. Он не видел революционно настроенной интеллигенции.

Период осмысления Рубинштейном революционной действительности начинается с 1914 года – начала войны Германии с Россией. С. Л. Рубинштейн днюет и ночует в Одесской публичной библиотеке. Его комната забита газетами и журналами – одесской периодикой. Иногда он – особенно в период начавшейся революции – обсуждает события с отцом, который, в свою очередь, уповает на помощь Запада. Они жарко спорят, так как Сергей Леонидович – с начала войны – отслеживал происходившую смену разного рода оккупации приграничной российской территории французской, румынской, родзянской и добровольческими властями и *составил свою периодизацию исторических событий*¹. А уже в годы гражданской войны, стихийно расколовшей пусть противоречивое, но издавна сложившееся единство русского народа, он, отслеживая смену белой добровольческой, зеленой и красной властей, пытается понять дееспособность каждой для восстановления в будущем этого единства.

Более того, он досконально информирован о законодательных, призывных, официальных и подпольных публикациях разных властей. Представители органа исполкома совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, чтобы придать цивилизованные формы своим решениям, как ни парадоксально, обращаются в адвокатскую контору Л. Рубинштейна. И это, в свою очередь, сопровождается вызовами сына на допросы, которые лишь по счастливой случайности не закончились расстрелом.

По прошествии столетия с этих общеизвестных событий мы восстанавливаем включенность в них С. Л. Рубинштейна

¹ Рубинштейн С. Л. Основні завдання у науковій бібліографії СРСР // Праці Одеської Центральної наукової бібліотеки. Т. 1. Одесса, 1927.

с целью выявить его способы их исследования *в тот момент*, чтобы показать, как обобщал их этот далекий от политики философ.

В целом он прорабатывал их на социально-правовом уровне, чтобы преобразовать в собственный социально-философский проект как *другой возможный вариант решения существующих противоречий*. С. Л. Рубинштейн пишет: «... Я лично вел в осеннем триместре 1922 г. на втором цикле историко-социального отделения факультета Профотбора семинар по *методологии социальных наук*, который был посвящен выявлению основных принципиальных проблем в *социальной методологии*; центральной темой его было выяснение марксизма как *экономического материализма* (или как социального), в отличие от материализма натуралистического (курсив наш. – К. А.)»¹.

Создавая свой социально-философский проект общества будущего, С. Л. Рубинштейн сознательно абстрагировался от собственного – ранее воодушевленного – отношения к революции, от переживания ее ужасающей жестокости, понимая, что первый в мире опыт создания гуманного общества достигается дорогой ценой. Но этой ценой становилась, а далее – все более – в гражданской войне – жизнь расколовшегося надвое народа ради неизвестного будущего. *Фактически реальность переворота сводилась к уничтожению прошлого и настоящего*.

Досконально штудировав ленинские труды, Рубинштейн обнаружил отсутствие теоретического обоснования будущего социалистического общества (по аналогии с непроработанностью Марксом концепта коммунизма). Он приходил к выводу, что и в том, и другом случае не учитывался прежде всего *сам человек, человеческая цель будущего*. Еще не став профессиональным психологом, он не мог себе представить, как люди, охваченные жестокостью меж-

доусобной войны, завтра станут активными, сознательными устроителями справедливого общества.

Не установив точно время, когда он доверил тексту эту проблему, я как составитель и главный редактор, включила в главу последнего труда его жизни «Человек и мир» оценку Сергеем Леонидовичем всего состояния общества того времени, вышедшего из – пусть негативной, но стабильности – а пришедшего к хаосу *вседозволенности*.

Рубинштейновский способ осмысления действительности ценен не для того, чтобы вернуть историко-философскую мысль к ее давно забытому прошлому: к восстановлению детализации фактов, обстоятельств, событий, личностей. Он актуален выявлением того, что *человеческая мысль способна осознавать и настоящее в момент его самого хаотичного осуществления*. Немислимо сложной и долгой была цель преобразований этой динамичной хаотической конкретики в некий – как всякая абстракция – *статичный* конструкт. Последний сам по себе еще не был достаточно определенным. Практически все десятилетие двадцатых годов XX столетия С. Л. Рубинштейн шел к уточнению его составляющих.

Философ был досконально знаком с системой российского высшего образования, познакомившись в Германии и с системой западноевропейской. В его подробных дневниковых воспоминаниях той поры *отсутствует упоминание* о том, что *большевики обсуждали проект реорганизации образования* на западной территории России и пришли к единому решению. Но он критически оценил для себя этот факт. Он лишь отметил, что в стане большевиков имелись разногласия по этому вопросу: С. Л. Рубинштейн имел *свой проект* и уверенность в том, что ему удастся его реализовать *практически*.

Тот факт, что С. Л. Рубинштейн встает *на сторону большевиков, отнюдь* не означает, что он *включается в их политику*. Он пишет, что принимает участие в одной из их практических акций – *перестрой-*

¹ Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. Наука и действительность. Основы точного знания / отв. ред. Б. Ф. Ломов. М.: Наука, 1989. С. 344.

ке высшего образования на юго-западной территории страны – как профессионал, живущий и работающий в Одессе¹.

При этом он четко определяет *цель* своего участия – конкретнее познакомиться с ее существующими и работающими на прежних духовных основаниях центрами образования, а также с теми способами его реорганизации, которые уже предложили лидирующие лица этой акции – Луначарский, Гринько и др.

«Борьба Г. Ф. Гринько и В. П. Потемкина, и последнего – против А. В. Луначарского. Их две *линии различаются* как в реорганизации Университетов, так и Академии по своему значению в культуре развития страны. В украинских *условиях* борьба этих линий приобретает особую остроту, – отмечает С. Л. Рубинштейн, – Я снова не *уступаю*, не меняю научной линии в новых условиях, но вынужденно *отступаю*»².

Эти разногласия он ранее выявил – но не с такой очевидностью – и в ходе осуществления большевиками революции. Его как социально-политического теоретика интересует вопрос, насколько в действительности советская власть является властью *советующегося* и *принимającego* решения *большинства*. Он уже склоняется к выводу, что власть не только не имеет коллегиально выработанной *стратегии*, но вообще не имеет *последней*.

Почти через сорок лет, в последнем труде жизни «Человек и мир», С. Л. Рубинштейн с грустью констатирует, что и сама революция осуществлялась неорганизованным пролетариатом, с возмущением осуждает политику авторитарной, а не *советской* (совещательной, т. е. демократической) власти³.

¹ К слову, С. Л. Рубинштейн никогда не вступал в ряды коммунистической партии по идейным соображениям.

² Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы / отв. ред. Б. Ф. Ломов. М.: Наука, 1989. С. 417.

³ Рубинштейн С. Л. Этика и политика // Философское наследие С. Л. Рубинштейна: в 5 т. Т. 1. М.: РУДН, 2024. С. 228–260.

Таким образом, в общей характеристике *самоопределения* С. Л. Рубинштейна четко высвечивается его *стратегия*, в которой он рефлексировал *собственную цель* участия в деятельности большевиков. Сделав свои выводы еще раз в середине 1920-х годов, он *отходит от генеральной линии партии*.

Сложность самоопределения С. Л. Рубинштейна тех лет состояла в том, что она включала и *мировоззренческую*, и *гражданскую*, и *собственно философскую составляющие*.

Его выводы из своего *гражданского* участия в судьбе раздираемого противоречиями общества носили мировоззренческий характер. Он был

– *против* глобального разрушения большевиками всего российского *прошлого*;

– *против* разрушения единства российского народа, часть которого вела против другой братоубийственную войну;

– *против* использования «искаленного человеческого материала», т. е. построения неизвестного светлого будущего ценой человеческих жизней. Он был – как и пристало философу-гуманисту – против использования *людей как средства* строительства будущего.

Творческая цель С. Л. Рубинштейна заключалась в *теоретико-практическом обеспечении воспитательного процесса, способного вырастить поколения личностей, способных строить общество будущего*. Он прекрасно осознавал тяжелейшее социально-экономическое состояние страны, но тем не менее видел ее главный потенциал именно в людях, личностях, народе. Уже в те годы он не солидаризировался с идеологической линией на политизацию сознания, психологию людей, при которой их человеческая этическая сущность подвергалась *деградации*. Он видел в людях *не материал* для политического манипулирования, а главный *потенциал страны*. Бесчеловечность политики уже в те годы была более, чем очевидна. С. Л. Рубинштейн категорически протестовал против классового подхода как главного критерия сущности общества, на

глазах расколотого взаимоуничтожением, т. е. самоуничтожением.

В этом мировоззренческом *противостоянии* происходившему в стране коренился *антропологический разворот* его философского концепта. В двадцатые годы XX столетия С. Л. Рубинштейн, согласно своей философской эрудиции, прибегает к обозначению к категории *субъекта*, чтобы без малого через сорок лет, доказав правомерность такого обращения, насытив категорию субъекта максимумом возможных характеристик его бытия, назвать его *Человеком в Мире*.

Завершающий этап самоопределения С. Л. Рубинштейна выразился в *самостоятельной деятельности по реализации своего собственного образовательного проекта*. Не надо напоминать, что в это время сам Сергей Леонидович находился в эпицентре противоречий Новороссийского университета. С одной стороны, это была неспособность и нежелание старой профессуры преподавать по-новому. С другой, это была резкая смена студенческой аудитории из обеспеченных одесских кругов на аудиторию рабоче-крестьянскую.

С. Л. Рубинштейн акцентирует свое внимание на преподавании *экономики* (тогда еще не ставшей политэкономией), стремясь не только донести до абитуриентов экономические позиции Маркса, но привлечь их внимание к катастрофическому состоянию российской экономики.

Нельзя сказать, что, уже будучи опытным преподавателем, он питал иллюзии относительно быстроты и глубины усвоения новой аудиторией этих *знаний*. Но он стремился разбудить их интерес к самому *познанию*, опираясь пусть на разрозненные, хаотичные, но все же жизненные представления, возникшие в революционной действительности. Своим блестящим знанием положения вещей на всех фронтах их начинающейся жизни, он стремился озаботить их как личностей своим собственным будущим.

В отличие от прежней аудитории (детей из одесских обеспеченных кругов), нынешняя оказалась более восприимчива к идеям

Рубинштейна. Эти идеи были ей близки и понятны, и она воодушевлялась возможностью своего участия в построении нового. Было бы преждевременно говорить, что С. Л. Рубинштейн видел в каждом из этих студентов *личность будущего*. Но он уже напрямую обращался к их *психологии, мотивации*.

Выше мы совсем вскользь упомянули о том, что Самоопределение человека неизбежно предполагает его *Одиночество*. Одиночество в философии не исключает жизненного общения, общительности человека. Но осмысляя – именно философски, и именно судьбу С. Л. Рубинштейна – можно сказать, что он был принципиально *одинок* как человек *свободный*, независимый от общества в отношении его мнения, его санкций. А судьба, как бы в благодарности за требующееся для этого *мужество*, подарила ему *три встречи*, которых он не ждал и не искал. Как мы говорили выше, это были три *Собеседника* по самым главным в каждую *пору* – первую и последнюю – проблемам его жизни.

Именно в ту раннюю пору сама судьба привела молодого философа ко *второму Собеседнику его жизни*. Это был глава кафедры философии и *психологии* Новороссийского университета – Николай Николаевич Ланге.

Николай Николаевич Ланге был уже стар и беспомощен. Казалось, он все еще жил лишь для того, чтобы передать кому-то свою неубиенную любовь к России, свою наполненность всем прекрасным, что она подарила ему в жизни. И здесь Сергей Леонидович оказался и подопечным, и исполненным силы самостоятельным ученым, который только и мог продлить дни одинокому профессору. В своей же философской воодушевленности они были равней.

Николай Николаевич уже не мог, по сути, вникнуть в попытки Сергея Леонидовича объяснить все противоречия происходящего. Но ему хватило сил, чтобы внушить преемнику свою Идею. Будучи философом, бесконечно ценившим

самую философскую мысль, он гордился тем, что в России она особенно самобытна и оригинальна у каждого мыслителя. Но одновременно он настаивал на том, что у всех она произрастает на почве особого психического склада русского народа. Он подходил к психологии не как к предмету соответствующей науки, но как к объекту исследования – к некоему реальному душевному складу людей, народа в целом.

Он считал, что лишь в этом качестве психология может стать действительным предметом философского осмысления. Именно он обратил внимание Сергея Леонидовича на связь педагогики с психологией, устанавливавшиеся в России с самого начала XX века, и с которыми Рубинштейн был знаком лишь по своим марбургским студиям (П. Наторп). Однако С. Л. Рубинштейн «отложил» психологию «в долгий ящик» – она, парадоксальным образом, была единственной дисциплиной, которую он не преподавал в 1920-е годы. В тридцатых годах он начнет основательно разбираться именно и только с ней как находящейся в кризисе как России, так и в Европе.

Двадцатые годы XX века, в которые Рубинштейн решалась проблема Самоопределения в своем *Отечестве*, были одновременно годами его философского самоопределения. Самоопределение Рубинштейна как ученого, в свою очередь, явилось поворотом российской философской мысли в целом в сторону познания человека.

Как мы упомянули вскользь, первый философский труд С. Л. Рубинштейна был рассыпан в верстке. Из оставшихся текстов в том же 1922 г. он немедленно публикует статью «Принцип творческой самодеятельности», которую можно определить как квинтэссенцию философского смысла уничтоженного труда¹. Часть глав рассы-

панной книги ученый публикует в разных изданиях, в различных форматах, совокупность которых дает нам представление о направлениях обоснования им своего главного философского принципа².

В этом принципе философии воплощена рассмотренная выше рубинштейновская направленность на воспитание человека, где новая педагогика носит *деятельный*, через деятельность осуществляющийся *творческий* характер. Здесь этот замысел кратко обозначен: «К основам новой педагогики». В эпицентре конструкта творческой самодеятельности находится *субъект*. Эта философская категория употребляется С. Л. Рубинштейном и в ее классическом значении, и в оригинальном языковом новообразовании – *самодеятельность*, которое, будучи воплощено в едином слове, акцентирует *неразрывность* связи субъекта с его деятельностью. Однако С. Л. Рубинштейн осознает, что, делая акцент на этой неразрывности, можно свести самого субъекта только лишь к «автору» деятельности.

Между тем новизна рубинштейновского определения сущности субъекта как раз и заключается в том, что он обладает не только способностью к деятельности, не только является субъектом *познания*, что раскрывается в гносеологическом подходе философа. Согласно С. Л. Рубинштейну, как справедливо отмечает В. А. Лекторский, субъект способен строить отношения, отвечающие его *этической сущности*.

Из словосочетания «творческая самодеятельность» очевидно, что эпитет «творческая» свидетельствует и о *творческой сущности субъекта*. Однако сразу отметим, что понимание творчества в данном контексте не сводится к творчеству в общепринятом значении – литературному, художественному, к деятельности как творческой активности и даже к способности личности к творчеству.

К тексту статьи неприменим принятый в науке традиционный способ *перечисли-*

¹ Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики). См.: Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 438.

² См.: Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы / отв. ред. Б. Ф. Ломов). М.: Наука, 1989.

тельного употребления категорий – личность, человек, субъект. В каком же смысле С. Л. Рубинштейн понимает соотношение сущности субъекта и творчества? Прежде всего, субъект может быть определен как субъект творчества, потому что *впервые* представлен *совокупностью своего познания, деяния, этического* отношения. Он не есть отдельно субъект познания в гносеологии, субъект этики, субъект деятельности. Он не является и суммой этих конкретных субъектов. Более того, он именно потому стал субъектом, что сумел интегрировать эти качества в одной человеческой сущности.

Но и этого, согласно С. Л. Рубинштейну, недостаточно. Он – субъект – не есть нечто самоопределившееся в самом себе и для самого себя. Это был бы своего рода философский интроспекционизм – направленность субъекта на самого себя, в самом себе замкнутого и потому... оторвавшегося *от действительности*, которая – его же породила... Поэтому творчество, в понимании С. Л. Рубинштейна, это отнюдь не создание творческих и даже технических произведений. Творчество субъекта – это его *созидательная сущность*, создающая своими *объединенными действенными, познавательными, этическими и другими способностями новую действительность*.

Строго и честно говоря, воспринять эту мысль сегодня мы не можем, только лишь прочитав – почти через полвека – труд С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» и осмыслив в последнем категорию *Мира* как человеческой, *созданной человеком действительности*, в которую он сам включен. Однако эта новая интегральная, категориальная рубинштейновская композиция имела бы сугубо статический и тем самым недиалектический характер, если бы он не включил в свой новый принцип особое понимание *развития* субъекта. Оно оставляет свободу для его осмысления, поскольку традиционные векторы интерпретации развития – развития природы, развития истории, филогенеза, онтогенеза и т. д. – имеют направленность из прошлого в будущее время.

Вводя в определение творчества новое значение *созидания действительности*, С. Л. Рубинштейн учитывает взаимодействие с ней субъекта, которое – по принципу обратной связи (feedback) – ведет к его дальнейшему развитию. Реализуя себя, субъект развивается – здесь С. Л. Рубинштейн в известном смысле ограничивается пониманием развития субъекта в деятельности. Это можно приписывать – или нет? – его общению – в разные годы и разным способом – с Ж. Пиаже, который ввел принцип обратной связи в интерпретацию развития... но! ребенка. Трудно предполагать, что С. Л. Рубинштейн ввел свою философскую интерпретацию развития субъекта как альтернативу пониманию детской психологии. Напротив, развитие *через взаимодействие* есть радикально иной способ развития относительно способа развития *стадиального* как поступательного (которое как раз и характеризует детство).

Рубинштейновская интерпретация развития субъекта в деятельности именно на этом этапе близка широко известной концепции поступка М. М. Бахтина. Но при трудности установления их реального совпадения во времени (раньше / позже?), очевидно их различие в другом отношении. С. Л. Рубинштейн выявляет развитие субъекта, происходящее в деятельности. М. М. Бахтин в известном смысле стремится к слиянию личности с ее поступком, тем самым вообще не претендуя на объяснение сущности развития, не видя в поступке *созидания новой действительности*, на котором как раз акцентирует свое внимание С. Л. Рубинштейн. Роль личности в действительности М. М. Бахтин изящно, но неожиданно – не философски, а... юридически – определяет как ее не-алиби в ней, т. е. *отрицая ее отсутствие*.

Напомним, что вывод, который сделал С. Л. Рубинштейн в докторской диссертации из его штудий классики мировой философской мысли, заключался в обвинении *ее обращенности на самое себя* и вследствие того, в *отрыве от действительности, разрыве с ней*. Об этой действительности как

почве под ногами пишет С. Л. Рубинштейн в своем Марбургском дневнике¹, философски обозначая ее как Сущее, бытие. Это было его тогда еще не развернутое, не проработанное интуитивное понимание бытия, которое поступательно стало разрабатываться далее в категориях *онтологического* подхода, *онтологического* принципа.

Проследивая аналогии его мысли в мировом контексте, отметим, что первым, если не единственным, уяснившим смысл постановки им этой проблемы, был М. Хайдеггер. Последний, приехав в Марбург после отъезда С. Рубинштейна на родину, досконально ознакомился с диссертацией российского ученого², но как молодой амбициозный философ сделал из нее свои собственные выводы³. Он превратил Сущее – назовем его даже не понятием, а *представлением о бытии* – в западноевропейский термин *экзистенциализм*. Но это не был чисто переводческий акт. М. Хайдеггер вобрал в новое понятие именно тот смысл, который был доступен его *западноевропейскому* мышлению, присущ мировоззренческим контрапунктам последнего. С. Л. Рубинштейн же разумел под Сущим нечто *несопоставимо безграничное соотносительно* с тесным мирком свобод и выборов западноевропейского образа жизни. Главной утратой, которая постигла Хайдеггера при этой авторизации рубинштейновского замысла онтологического захода, была потеря личности хотя бы как субъекта этих выборов.

¹ Рубинштейн С. Марбургский дневник // Исследование проблемы метода. Ч. 1. Абсолютный рационализм (Гегель). Фрагмент. Инаугурационная диссертация на получение докторской степени философского факультета Марбургского университета / пер. с нем. К. А. Абульхановой-Славской, Л. С. Киржнера; науч. ред. Ю. В. Колесниченко. Афины: Энтос, 2024. С. 145–170.

² Абульханова-Славская К. А., Лекторский В. А., Белов В. Н. Предисловие // Философское наследие С. Л. Рубинштейна: в 5 т. Т. 2. М.: РУДН, 2025. С. 10.

³ По имеющемуся у нас документу – письму М. Хайдеггера С. Рубинштейну с предложением о встрече – в 1920-е годы он еще был готов обсудить возникший у него замысел экзистенциализма с автором *восстановления онтологии в своих правах*.

С. Л. Рубинштейн в 1920-е годы не ставит задачу утверждения авторства своего концепта (которая, надо сказать, даже не приходила ему в голову). Формулируя проблему, можно сказать, что он берется за разрешение кризиса мировой философской мысли, состоящей в *обращении ее «гносеологической классики» на самое себя* и ограничении ее *самой собой*. То же, как он покажет в 1930-е годы, составляло сущность кризиса психологии интроспекционизма – своего рода *инфантилизма* мысли, которая начинает и заканчивает только ей самой принадлежащим.

Философский материализм исторически с огромным трудом пробивает себе дорогу сквозь толщу идеалистических толкований, поскольку связан с потребностью человека в хлебе насущном, которая пока удовлетворяется тем, что *вне его*, с чем приходится взаимодействовать. С. Л. Рубинштейн двадцатых годов XX столетия совершает самую трудную *инверсию в направленности философской мысли*, оставляя на будущее расширение материалистического мировоззрения до безграничности онтологического. Он предлагает *вернуть* мысли ее *собственного субъекта*, восстановив его *реальность*, соотносительную с реальностью действительности. Реальность субъекта, проявляющаяся в деятельности как реального способа *изменения* действительности, диктует признание взаимодействия разных реальностей, в том числе, путем отказа от их *поглощенности идеологией*.

Побудителем этого разворота философской мысли стала для С. Л. Рубинштейна теория относительности А. Эйнштейна, который доказал, что мысль Человечества простирается до масштабов Вселенной. Мы отмечаем, что идеи последнего были самым скандализованным достижением научной мысли тех лет, поскольку они приходили в противоречие с тем же идеалистическим мировоззрением, которое – в лице религии – отводило это пространство Божественному началу.

Как мы уже отмечали выше, научное мировоззрение С. Л. Рубинштейна подвергало критике вся религиозно мысля-

щая профессура. Однако ему – в данном случае – был важен не масштаб, но сама принадлежность мысли не Божественному началу, а *человеку*, которого он представил в своем философском концепте в традиционной категории *субъекта*. Однако ему было уже недостаточно опровергнуть его только в качестве идеалистически понятого субъекта мышления.

Чрезвычайно значимым для понимания последующих этапов творчества мыслителя является достигнутая им способность к *интегрирующему обобщению многомерности человеческого бытия*. Принцип творческой самостоятельности С. Л. Рубинштейна на том этапе не включал в себя специальных категорий человека, индивида, личности, но он сфокусировал в себе их значимость для будущего их философского определения. Он также заключал в себе новый способ самого философского мышления, отличный не только от гегелевской и кантовской классики, но и от марксовской модели восхождения от абстрактного к конкретному и отчуждения. Это был способ *интегрирующего обобщения*. Не случайно все последующие этапы рубинштейновского творчества пронизаны его генеральной направленностью на способность человеческой мысли вобрать и представить *многомерность человеческого бытия*, включающего его виртуальные формы. И столь же не случайно, что на следующем этапе своей жизни (в 1930-е годы) он осуществляет философский заход к психологии, определяя ее научный предмет как предмет, связанный с потребностями и *жизнью человека*¹.

Принцип творческой самостоятельности имел некую обращенность автора к самому себе. Это – вопрос, который мыслитель ставил перед собой всю свою жизнь. Вопрос-принцип: «Кто, если не ты, и когда, если не теперь?». Но это не было выражением самонадеянности автора, а являлось постижением духовной и человеческой *ответственности* за все, что будет им *самим, своими силами* соде-

яно в будущем, и делается в настоящем. Следуя удивительной последовательности С. Л. Рубинштейна, напомним, что в свои последние годы он рассматривал жизнь в модусе *ее завершения как главного, заключительного ее события*, памятуя свой первоначальный гуманистический замысел. И он отчитывался самому себе в том, что было *содеяно*, а что *упущено*².

Возвращаясь к реальности его одесской жизни, упомянем приходящуюся на вторую половину этого десятилетия последнюю «акцию» С. Л. Рубинштейна по реализации своего социально-философского замысла. Он писал как будто бы об изменении места работы – об уходе из университета и переходе в центральную библиотеку Одессы, «на должность директора Центральной научной, как тогда называли, бывшей университетской библиотеки в Одессе как на *основную работу*...», и, в связи с этим, публиковал некоторые работы по библиотечному делу³. Это становится началом практической реализации им своего замысла образования и воспитания личностей – создателей будущего общества⁴.

В Одессе он следующим образом реорганизовал работу сотрудников библиотеки: рассматривая каждую книгу как воплощение человеческого знания – не только научного, но и жизненного, духовного – он с помощью *книги* совершал, так сказать, *пробу* активизации *познания* читающего. Проводя в жизнь свой новаторский подход к получению знаний в стенах библиотеки, Рубинштейн провел своего рода семинары – курсы перепод-

² См. его дневниковые записи в: Философское наследие С. Л. Рубинштейна: в 5 т. Т. 1. М.: РУДН, 2024.

³ Рубинштейн С. Л. Страничка из истории трудностей и теневых сторон в развитии науки в начальный период, особенно на периферии, на Украине // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 417.

⁴ Библиотечная деятельность С. Л. Рубинштейна продолжилась в 1930-х годах в Санкт-Петербурге в качестве руководителя библиотек им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Надо сказать, что в этот период именно С. Л. Рубинштейн в значительном масштабе расширил международный книгообмен советского государства с библиотеками мира.

¹ Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М.: Гос. Учпедгиз, 1935. 496 с.

готовки – библиотечных сотрудников, в обязанности которых изначально входила лишь подборка и выдача книг читателям. Он расширил их роль до роли своего рода воспитателей *познавательных* интересов читателей. Вопреки военной обстановке сами сотрудники как будто воспряли духом, пришедшим в упадок от голода, холода и... страха. В библиотеку потянулась университетская рабоче-крестьянская молодежь и зябнувшие в своих домах старики. С. Л. Рубинштейн возвел стареющих сотрудниц «из бывших» в почетный ранг интеллектуальных наставниц, консультантов, зафиксировав административно их обязанности и права:

- побуждать интересы публики к чтению;
- воспитывать самостоятельность читателей при выборе литературы, поддерживать их в обоснованности этого выбора, в его последовательности или изменении, в его связи с жизненными целями и профессиональным самоопределением и т. д.

В конечном итоге, он добивался того, чтобы чтение развивало познание, а познание побуждало *развитие личности*.

Одесский период жизни С. Л. Рубинштейна является воплощением ее *оптимистически-трагической* сущности. Трагизм связан с осознанием глубочайших противоречий российской действительности того времени, оптимизм – с нахождением возможности своего способа их разрешения. В этом состояло радикальное отличие С. Л. Рубинштейна от своего поколения относительно трагической судьбы России. Не сопоставляя во времени жизненно-духовные поступки мыслителей XX века, по своему трагическому существу, мы видим тот же высочайший уровень человеческого самоопределения в лице А. Ф. Лосева¹ и Д. Л. Андреева².

Мы не знаем, в каком году и в каком именно месяце С. Л. Рубинштейн писал в своем дневнике: «В жизни моей было немало трудностей и спадов, но в целом, она вся шла по восходящей»³.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абульханова-Славская Ксения Александровна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института психологии РАН; ORCID: 0000-0001-7279-133X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Abulkhanova-Slavskaya (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Chief Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-7279-133X

¹ С. Л. Рубинштейну было известно принятое Алексеем Федоровичем и его женой решение о своем воцерковлении. Он невольно сравнивал его с религиозным – по его мнению, инфантильным – снобизмом Вл. Соловьева (его двусмысленное поведение в адрес А. Блока), отсутствием гражданского поступания. По его мнению, Алексей Федорович не ушел из действительности, но, напротив, отчаянным самоотвержением выразил свое единение с судьбой России. Достаточно было видеть глаза его жены, вернувшейся из лагеря – вскоре – ушедшей из жизни.

² Упомянутое нами самоопределение Д. Л. Андреева, досконально известное мне по нашей общей родственной линии Леонида Андреева, проявилось уникальным образом. Его труд, предшествующий написанию «Розы мира», настолько достоверно разоблачал реальность своего времени, что «органы» первоначально стали разыскивать живых прототипов его повествования. Отсидев в лагере десять, оставшихся от двадцати, лет, которые ему «великодушно скостили», – в момент возврата документов – Даниил сказал: «Как же вы выпускаете меня, если я еще не стал совсем советским человеком»? Жаль, что труд его, написанный в лагере, по сложности своей воплотил соответствующее лагерным условиям состояние его здоровья, и во всей своей никем не раскрытой значимости, до сих пор не нашел понимающего читателя.

³ Рубинштейн С. Л. Дневники. О философии и философе. Ч. I. Автобиографический портрет С. Л. Рубинштейна // Философское наследие С. Л. Рубинштейна: в 5 т. Т. I. М.: РУДН, 2024. С. 280.